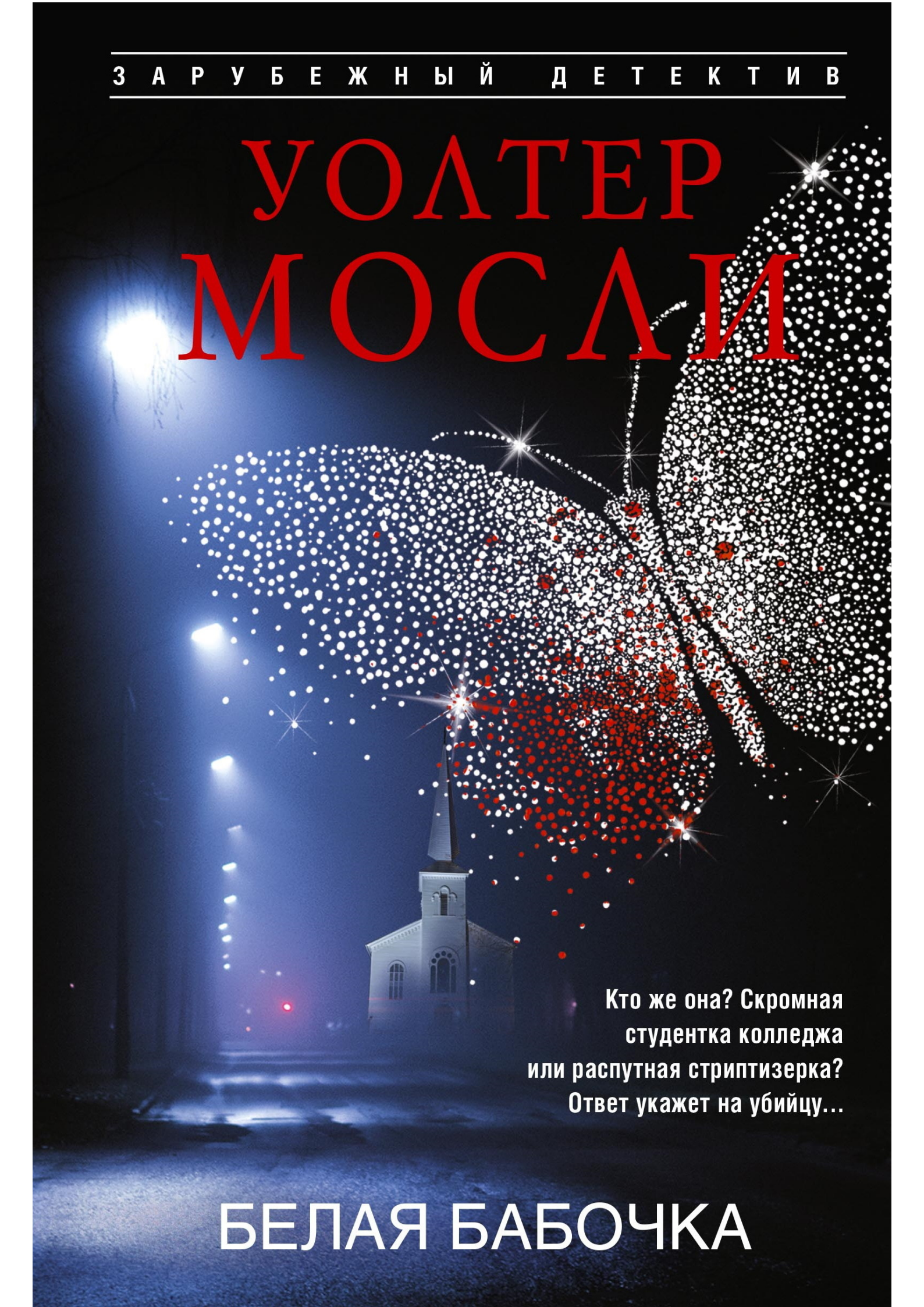

З А Р У Б Е Ж Н Ы Й Д Е Т Е К Т И В

УОЛТЕР МОСЛИ

Кто же она? Скромная
студентка колледжа
или распутная стриптизерка?
Ответ укажет на убийцу...

БЕЛАЯ БАБОЧКА

Изи Роулинз

Уолтер Мосли
Белая Бабочка

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1992

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)

Мосли У.

Белая Бабочка / У. Мосли — ООО «ГЕРМЕС БУКС»,
1992 — (Изи Роулинз)

ISBN 978-5-9524-6682-1

В Лос-Анджелесе убита не одна чернокожая девушка, прежде чем копы всерьез берутся за дело. И, когда столь же жестокая смерть настигает белую студентку колледжа, вспоминают об Изи Роулинзе. Как он сам говорит: «Я стоил целого участка детективов, когда требовалось нарыть сведений в гетто». Но Изи отказывается сотрудничать. Он женат, растит ребенка – и его детективная карьера закончилась. Однако полицейское начальство играет по своим правилам: если Роулинз не поможет, то его лучший друг отправится в тюрьму. Изи возвращается, погружаясь в опасный мир ночных улиц квартала Уоттс и темные, извращенные закоулки сознания убийцы...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-9524-6682-1

© Мосли У., 1992

© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1992

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	30
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Уолтер Мосли Белая Бабочка

*Я посвящаю эту книгу Лерою Мосли за истории, которые он
продолжает рассказывать.*

Серия «Зарубежный детектив»

WALTER MOSLEY
WHITE BUTTERFLY
a novel

Перевод с английского *Е.М. Якушина*

ГЕРМЕС БУКС

Copyright © 1992 by Walter Mosley
© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026
© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

Глава 1

– Изи Роулинз! – позвал кто-то.

Я обернулся и увидел за калиткой моего палисадника Куинтена Нейлора.

– Иси, – пролепетала моя дочка Эдна, весело дрыгая ножками в коляске, стоявшей рядом со мной на крыльце.

Куинтен среднего роста, но широк в плечах и выглядит крепышом. Огромные, словно грабли, ручки, даже под пиджаком видно, как бугрятся мышцы. Куинтен – темнокожий, но из-за примеси индейской крови кажется, будто он раскраснелся от злости.

Он топал ко мне прямо по грядке лука, который я выращивал уже семь лет. Физиономия Куинтена с красноватым отливом расплылась в улыбке, когда он протянул мне мясистую лапу:

– Рад, что застал тебя дома.

– Ага. – Я шагнул к нему и пожал руку, глядя прямо в лицо.

Мой нечленораздельный ответ поставил в тупик сержанта полиции Лос-Анджелеса. Куинтен выжидательно посмотрел на меня в надежде, что я спрошу, зачем он пришел. А мне хотелось, чтобы меня оставили в покое и позволили вернуться в дом, к жене и детям.

– Ваша девочка? – Куинтен был родом с Восточного побережья и говорил, как образованный белый.

– Да.

– Красивая малышка.

– Еще бы!

– Еще бы, – повторил Куинтен. – Готов поспорить, похожа на мать.

– Что вам нужно от меня, сержант?

– Чтобы вы пошли со мной.

– Я арестован?

– Нет. Вовсе нет, мистер Роулинз.

Ясное дело, если он называет меня «мистер», значит, отдел полиции Лос-Анджелеса снова нуждается в моих услугах. Время от времени закон посылал за мной одного из своих немногочисленных черных блюстителей, и мне приходилось идти туда, куда им не было хода. Я стоил целого взвода полицейских, когда им был нужен контакт с гетто.

– С какой стати мне отправляться с вами? Я провожу воскресный день в кругу семьи, и меня ничуть не соблазняет увеселительная прогулка с полицейским.

– Нам нужна ваша помощь, мистер Роулинз. – Смуглая кожа Куинтена приобрела еще более красноватый оттенок.

Я хотел остаться дома и завалиться чуть позже с женой в постель. Но что-то помешало мне ответить отказом. В просьбе Куинтена сквозила горечь поражения. Черные особенно остро переживают свои неудачи, борьба с которыми объединяет нас.

– Куда поедем?

– Не далеко. Всего двенадцать кварталов. На Сто десятую улицу. – Он направился к калитке.

Я крикнул в приоткрытую дверь дома, что уезжаю с сержантом Нейлором и скоро вернусь.

– Что? – Регина оторвалась от гладильной доски.

– Не надолго, – повторил я и взгляделся в густую зелень высоченного авокадо, росшего возле дома.

Маленький Джезус выглянул из своего укрытия наверху и улыбнулся.

– Спускайся, – позвал я.

Мальчишка-мексиканец с лицом древнего инка, темным и мудрым, слез с дерева и побежал ко мне.

– Сегодня никуда не отлучайся, Джезус. Оставайся дома и приглядывай за мамой и Эдной.

Джезус уткнулся взглядом в землю и кивнул.

– Смотри на меня.

За все восемь лет, что я знал его, мальчик не произнес ни слова, поэтому беседа всякий раз бывала односторонней.

Джезус искоса посмотрел на меня.

– Я хочу, чтобы ты остался дома. Понял?

Куинтен сидел в машине и поглядывал на часы.

Джезус снова кивнул, подняв на меня серьезные глаза.

– Значит, договорились. – Я потрепал его по стриженным ежиком густым волосам и пошел к полицейскому.

Сержант Нейлор привез меня к пустырю в середине Тысяча двухсотого квартала на Сто десятой улице, где я увидел машину скорой помощи, окруженную полицейскими автомобилями.

На тротуаре собралась толпа. Семь белых копов стояли плечом к плечу на краю пустыря, не пропуская чернокожих зевак, однако атмосфера была непринужденной и миролюбивой. Полицейские держались дружески, курили и шутили с толпой любопытных.

Пустырь украшали два ржавых «бьюика» без колес, брошенных здесь так давно, что под ними выросла трава. В дальнем конце пустыря высился засохший узловатый дуб.

Мы с Куинтеном протиснулись сквозь толпу мужчин, женщин и детей, жадно тянувших шеи и перебегавших с места на место.

– Лойд видел ее, она мертвая, – сказал какой-то мальчишка.

Когда мы проходили сквозь кордон, один из полицейских схватил меня за руку:

– Ты куда, малый?

Куинтен сурово взглянул на него, и тот разрешил:

– Ну ладно, ступай.

Еще один из тех белых, которые относятся к нам с врожденным высокомерием. Я стараюсь не замечать их. Вот и сейчас я отвернулся, и он исчез из моей жизни.

– Туда, мистер Роулинз. – Куинтен Нейлор указал на четверых детективов в штатском, разглядывавших что-то возле дерева.

Я узнал одного из них, белого толстяка с лоснящимся лицом и пухлыми руками.

– Здравствуйте, мистер Роулинз. – Толстяк протянул руку, мягкую, как подушка.

– Это мой напарник, – пояснил Куинтен, – Роланд Хобс. Вы, вероятно, помните его.

Мы обошли дерево. Девушка в розовом вечернем платье с небольшим декольте сидела, прислонившись спиной к стволу, вытянув и слегка расставив ноги. Голова ее склонилась набок, руки бессильно повисли вдоль бедер ладонями вверх. Белая туфля была только на левой ноге.

Мне запомнились мягкое и сильное рукопожатие Роланда Хобса и муха на виске девушки. Я еще удивился, почему она не стонит ее.

– Рад видеть вас, – сказал я Хобсу и тут же понял, что это не муха, а засохший кровоподтек.

Отпустив мою руку, Роланд наклонился к Куинтену:

– Все точно так же.

– Как и в те два раза? – уточнил тот.

Роланд кивнул.

Не верилось, что эта красивая юная девушка мертва. Казалось, она вот-вот встанет, улыбнется и назовет мне свое имя.

Кто-то прошептал:

– Это уже третья.

Глава 2

Тело унесли на носилках, когда полицейский фотограф, не газетчик, закончил работу. Убитая негритянка – не тема для прессы в 1956 году.

Роланд Хобс и я сели в «шевроле» Нейлора модели 1948 года. Я представил себе, как Куинтен торчит под ним по выходным дням в майке и шортах, чтобы заставить бегать эту старую развалину.

– Разве вам не дают служебную машину, когда вы выезжаете по вызову? – спросил я.

– Меня вызвали из дома.

– Что ж вы не купите новую машину?

Я сидел на переднем сиденье, Роланд Хобс – на заднем. Он из обходительных белых, всегда вежливый и корректный; я не верил ему ни на грош.

– На что мне новая машина, меня устраивает и эта.

Из рваной виниловой обивки сиденья торчал желтый поролон.

Мы ехали по Центральной авеню довольно долго. Тогда этот район еще не пришел в упадок. Улицы были чистыми, и пьяные почти не попадались. Между Сто пятидесятой улицей и бульваром Флоренции я насчитал пятнадцать церквей. На углу располагался резиновый завод фирмы «Гудиер». Два гигантских здания возвышались в дальнем северном конце огромной территории.

Здесь же находился и ангар для их дирижабля. На другой стороне улицы была заправочная станция фирмы «Уорлд», излюбленное место сборищ мексиканских рокеров и байкеров, украшавших свои немецкие машины чуть ли не тремя сотнями фунтов хромированных трубок и других приамбасов.

Подъехав к проходной завода, Нейлор показал охраннику полицейский значок. Мы остановились на большой асфальтированной автостоянке. Не менее трех сотен машин выстроились аккуратными рядами, словно на продажу. Здесь их всегда полно: завод работает двадцать четыре часа в сутки все семь дней в неделю.

– Давайте пройдемся, – предложил Нейлор.

Я вышел вместе с ним. Хобс остался в машине, взял с заднего сиденья журнал «Джет» и развернул его на центральной вкладке, изображающей красотку в купальном костюме.

Мы дошли до середины ухоженной лужайки. Смеркалось. Почти каждый четвертый или пятый автомобиль, проезжавший по бульвару, уже включил фары.

Я не спрашивал Куинтена, зачем мы здесь. Похоже, он решил сразить меня тем, что может так легко проникнуть на эту роскошную лужайку.

– Ты слышал о Джульетте Лерой? – спросил Куинтен.

Я слышал о ее смерти, но для вида уточнил:

– О ком?

– Она родом из Французской Гвианы. Работала официанткой в «Шампейн Лоундж».

– Ну и что дальше?

– Ее убили около месяца назад. Перерезали горло. Да еще изнасиловали. Труп нашли в мусорном контейнере в Слаусоне.

Газеты сообщали об убийстве на последних страницах. Радио и телевидение даже не упомянули. Но большинство черных знало об этом.

– Потом была Уилла Скотт. Мы нашли ее привязанной к водопроводной трубе под раковиной в заброшенном доме на Хувер-стрит с проломленным черепом. Рот был заклеен липкой лентой.

– Изнасилована?

– На лице следы спермы. Когда это случилось, до или после смерти, неизвестно. Последний раз ее видели в «Блэк Айриш».

У меня екнуло сердце.

– А теперь вот Бонита Эдвардс.

Я смотрел на лужайку и на ряд магазинов за ней, на бульваре. Почти совсем стемнело, зажглись уличные фонари.

– Так звали эту девушку? – Я жалел, что пошел с ним. Какое мне дело до этих женщин? Вообще-то по нашему району ползли тревожные слухи, но меня это не касалось.

– Да, – кивнул Нейлор, – танцовщица из бара. У нас три таких случая. Пока три.

В полумраке зеленая трава казалась серой.

– Ну и зачем вы мне все это рассказываете?

– Джульетта Лерой пролежала в мусорном контейнере два дня, прежде чем почуяли запах. Труп уже окоченел. На ней не нашли меток, пока не появилось сообщение в газете.

Меня замутило.

– На Уилле Скотт и Боните Эдвардс были одинаковые метки.

– Какие же?

Куинтен потемнел, как ночь.

– Ожоги. Ожоги от сигары на груди.

– Значит, дело рук одного преступника? – Я тут же подумал о Регине и Эдне, и мне захотелось поскорее вернуться домой и убедиться, что все двери на запоре.

Полицейский кивнул:

– Пожалуй, да. Он дает нам знать, что это его работа.

Куинтен не сводил с меня пристального взгляда. Позади него Лос-Анджелес сверкал мириадами огней.

– Ну что уставился? – разозлился я.

– Нам не обойтись без тебя, Изи. Дело очень темное.

– Кому это «нам»? Ты себя имеешь в виду? Мы что, вдвоем будем работать? Или найдем еще кого-нибудь?

– Ты знаешь, что я имею в виду, Роулинз.

В свое время я работал и на наркодельцов, и на разных бизнесменов, и даже на полицию, но почему-то превратился в частного детектива, оказывающего услуги тем, кому не помогает закон. Поскольку закон не срабатывал довольно часто, я постоянно был при деле. Иногда к моей помощи прибегали даже полицейские.

Последний раз я понадобился Нейлору, чтобы поймать одного шулера родом из Тихуаны. Ларк занимался подпольной карточной игрой в Комптоне и задолжал двадцать пять долларов белому мерзавцу Чи-Чи Макдональду. Чи-Чи слишком нагло требовал деньги, и Ларк выстрелил в него в упор. В том, что разборка кончилась убийством, не было ничего необычного, однако здесь не обошлось без расового фактора, и Куинтен знал, что пойдет на повышение, если поймает Ларка.

Как правило, я не помогаю блюстителям закона упрягивать моих собратьев за решетку. Но когда Куинтен пришел ко мне, я выдвинул встречную просьбу. Через неделю мы с Региной собирались пожениться, а ее двоюродный брат Роберт Хенри угодил в тюрьму за грабеж.

Роберт полаялся с владельцем магазина, заявив, что ему продали скисшее молоко. Когда хозяин послал его куда подальше, Роберт взял другой пакет молока и направился к выходу. Хозяин схватил Боба за руку и позвал на помощь кассира.

Тут-то Боб и брякнул:

– Так у тебя есть дружок, да? Ладно, а у меня есть нож.

Из-за этих слов Боб и загремел в тюрьму. Ему пришили вооруженное ограбление.

Регина любила брата, поэтому, когда Куинтен обратился ко мне насчет Ларка, я предложил ему сделку, пообещав устроить в квартале Уоттс такую игру в покер, чтобы слух о ней дошел до Ларка. Уж он-то не упустит случая.

Словом, игра в покер по-крупному привела Ларка в тюрьму Сан-Квентин. Полицейские устроили облаву и забрали его в участок для опознания, а он так и не догадался, что это я наступал на него.

Куинтен получил повышение, поскольку его начальство считало, будто он держит в руках черную общину. На самом деле у него был только я. Я и еще несколько негров, которые не прочь сыграть, поставив на кон собственную жизнь.

Но, женившись, я завязал и отказался стучать для полицейских.

– Вот что! Я впервые слышу об этих убийствах. Я бы сразу стукнул тебе, если бы что-то знал. Думаешь, я позволил бы этому типу убивать негрityнок? С какой стати, у меня молодая красивая жена, как раз сейчас она дома...

– С ней все в порядке.

– С чего ты взял? – В висках у меня застучало.

– Он убивает только девочек для развлечения, а не медсестер.

– Регина работает и иногда возвращается домой из больницы поздно вечером. Он может подкараулить ее.

– Вот поэтому ты и должен помочь мне, Изи.

Я покачал головой.

– Да что я могу сделать? Чего ты от меня хочешь?

Мой вопрос доконал Нейлора.

– Помоги нам! – взмолился он, очевидно надеясь на мою подсказку.

Малый совсем растерялся, поскольку полиция не умела расследовать немотивированные убийства. Они знали, что делать, если муж прикончил жену или ростовщик ободрал должника. Они умели допрашивать свидетелей, белых свидетелей. И хотя Куинтен Нейлор был черным, его не жаловала публика в квартале Уоттс – шпана, которую обычно называли «уголовным элементом».

– У вас есть хоть какая-то зацепка? – спросил я просто из сочувствия.

– Никакой. Ты знаешь все, что знаю я.

– А спецгруппа выделена на это дело?

– Нет, я работаю один.

Шум пронесившихся вдалеке машин напоминал жужжание назойливых комаров.

– Три девицы убиты, – заметил я. – И они ставят на дело только тебя?

– И Хобса.

Я покачал головой, сознавая собственное бессилие:

– Ничем не могу помочь тебе, парень.

– Но кто-то должен это сделать. Иначе погибнут и другие девушки.

– Будем надеяться, что этому типу надоест, Куинтен.

– Ты должен помочь нам, Изи.

– Вовсе нет. У тебя слишком буйная фантазия, мистер полицейский. Вот если бы я знал его имя или хоть какие-то приметы... Полиции необходимо собрать сведения. Одному человеку это не под силу.

Я видел, что Нейлор кипит от ярости и готов наброситься на меня с кулаками, но он сдержался и понуро побрел к машине. Я не спеша последовал за ним. Груз ответственности за весь округ лежал на плечах Куинтена. Черные не любили его, потому что он говорил как белый и делал работу белых. Служивцы-полицейские сторонились его, потому что он был черным. Какой-то маньяк убивал негрityнок, и Куинтену приходилось заниматься этим одному. Никто не хотел помочь, и женщины продолжали погибать.

– Ты с нами, Изи? – Роланд Хобс положил руку на мое плечо, когда Нейлор нажал на акселератор.

Я промолчал, и Хобс убрал руку. Я торопился домой. Мне не нравилось отказывать полицейским. И совсем не нравилось, что в нашей округе убивают девушек. Но что я мог поделать? У меня своих проблем по горло.

Глава 3

Желая пройти пешком до дома, я попросил Нейлора высадить меня на углу, постоял и оглядел улицу. Надвигалась ночная гроза, и люди должны были бы спешить укрыться от нее.

Но далеко не все торопились домой.

Рафаэль Гордон устроил игру в наперстки перед входом в «Авалон», небольшой бар в конце моего квартала. Астматик Зеппо, полуйтальянец-полунегр, стоял на атаке на углу. Вечно задыхающийся Зеппо не мог произнести и фразы, чтобы не захлебнуться кашлем, но свистел громче любого трубача из оркестра.

Я помахал Зеппо, и он заковылял ко мне, гримасничая и подмигивая. Я попытался привлечь внимание Рафаэля, но тот был слишком увлечен, облапошивая двух лохов, решивших поиграть. У коротышки Рафаэля кожа была скорее серая, чем коричневая. Он давно лишился передних зубов и одного глаза. Лохи, глядя на Рафаэля, вероятно, не сомневались, что в два счета обставят его. А уж если проиграют, то платить не будут: плюгавый Рафаэль, небось решили они, не справится и с пуделем.

Но в рукаве у Гордона всегда был рыбацкий нож с пробковой ручкой, а в кармане – пара футов цепи из закаленной стали.

– Просто покажите мне, под каким наперстком красный шарик, – приговаривал он. – Покажите, где красный шарик с двумя долларами. Вы получите в два раза больше и спокойно отправитесь домой. – Он быстро менял местами наперстки, иногда приподнимая их, чтобы показать шарик.

Здоровенный детина, совершенно мне незнакомый, указал на один наперсток, отвернулся и ушел.

Я подумал о мертвой проститутке, убитой безо всякой причины, возможно только из-за вульгарной внешности или профессии, и содрогнулся, вспомнив, что принял ее за живую. Так выглядит женщина, оставшаяся наедине с собой, когда сидит, усталая, в расслабленной позе.

И тут я представил себе Регину. Конечно, никакого сравнения. У моей жены манеры королевны. Она никогда не носит ничего яркого и дешевого и никаких фальшивых украшений. А танцует грациозно и пластично, не дергается, как большинство молодых женщин, а движется плавно, словно рыба в воде или птица в воздухе. Мысли о мертвой проститутке не оставляли меня. Подойдя к своей калитке, я увидел Регину и Эдну в окно гостиной, убедился, что с ними все в порядке, сел в машину и отправился на Хувер-стрит. Там, на втором этаже двухэтажного здания, находилась контора Мофаса по торговле недвижимостью. Владелец дома был я, но, кроме Мофаса, никто не знал об этом. Нижний этаж арендовали Честер и Эдвина Реми, хозяйка негритянского книжного магазина. Они продавали духовную литературу и, как все съемщики в семи моих зданиях, платили арендную плату Мофасу. А он передавал деньги мне.

Я знал, что застаю Мофаса на месте. Он работал допоздна семь дней в неделю. В его жизни существовали только работа и сигары.

На второй этаж вела наружная лестница. Она скрипела и проседала при каждом моем шаге. Еще не доходя до двери, я услышал кашель Мофаса.

Он сидел, сгорбившись над своим столом, и кашлял надрывно, словно мотор, который никак не заводится.

– Я же говорил тебе, брось курить, Мофас. Сигары тебя доконают.

Мофас поднял голову. Слезы градом катились по его щекам. Обрюзгим лицом он напоминал бульдога, а его жалкий вид усиливал сходство с собакой. С ужасом глядя на сигару в руке, он раздавил черный окурочек в стеклянной пепельнице, выпрямился в кресле и сжал кулаки, пытаясь сдержать кашель.

– Ну, как жизнь? – поинтересовался я.

– Прекрасно, – просипел он и снова закашлялся.

Я уселся в кресло для клиентов, ожидая, когда он начнет разговор о делах. Мы знали друг друга уже много лет. Возможно, поэтому мое отношение к Мофасу было неоднозначным. С одной стороны, я всегда испытывал к нему сострадание. Но с другой, Мофас однажды по трусости предал меня. Я не убил его только потому, что самого себя считал ничуть не лучше.

– Что нового?

– Да ничего, кроме квартплаты.

Мы оба улыбнулись этой старой шутке.

– Ну, тогда все в порядке, – сказал я.

Мофас, просительным жестом остановив меня, взял со стола фарфоровую баночку. Он отвинтил крышку, поднес баночку к носу и рту и сделал глубокий вдох. От запаха камфары и ментола у меня защемило в носу.

– Слышал о последней девице? – спросил Мофас голосом человека, восставшего со смертного одра.

– Нет.

– Ее нашли на Сто десятой улице. Недалеко от вас. Говорят, там собралось чуть ли не двадцать полицейских.

– Да ну?

– Девица для развлечений. Вот и кончились ее развлечения, – горько пошутил он. – Какой-то маньяк убивает молоденьких девчонок, это черт знает что!

Мофас достал сигару из кармана жилетки и собрался откусить ее кончик, но, перехватив мой взгляд, убрал эту вестницу смерти в карман.

– У нас теперь будут проблемы.

– Какого рода?

– Среди наших квартиросъемщиц много молоденьких незамужних или разведенных. Как правило, у них есть работа и ребенок, а по вечерам в пятницу они с подружками отправляются на поиски мужчин.

– Ну и что? Опасаешься, что этот маньяк перебьет наших квартиросъемщиц?

– Нет, нет. Я не настолько глуп, хоть и не кончал колледж, как ты. Но я не хуже любого нормального человека вижу чуть дальше собственного носа.

– И что же ты видишь?

– Жоржетта Уайкере и Мери Пердью хотят съехаться в одну квартиру для большей безопасности. Говорят, там им будет легче управляться с детьми, да и спокойнее. И конечно, они теперь будут платить вдвое меньше.

– Вот как? Ну, и что же мне делать?

Мофас ухмыльнулся во весь рот, так что можно было пересчитать все его золотые коронки. Если он доволен собой, значит, преуспел в выколачивании денег.

– Вам ничего не нужно делать, мистер Роулинз. Я сказал им, что проживание двух клиентов в одной квартире запрещается. А еще предупредил Жоржетту, что, если они и съедутся, Мери может выкинуть ее из квартиры, поскольку заключила контракт только на свое имя.

Если в день смерти Мофасу удастся заработать лишний цент, он умрет счастливым.

– Не трогай их, Мофас, – сказал я. – Пусть девицы делают, что хотят. Ты же знаешь, у нас тысячи квартиросъемщиков, каждый день одни съезжают, другие вселяются.

Мофас грустно покачал головой. Он не мог глубоко вздохнуть, но ему было жаль меня. Еще бы! Только последний идиот не пытается заработать лишний доллар на каждом клиенте.

– Что-нибудь еще, Мофас?

– Эти белые опять звонили сегодня.

Представитель фирмы «Декампо ассошиэйтс» несколько раз звонил Мофасу по поводу недвижимости, которой я владел в Комптоне. Они уже дважды предлагали свою цену; в последний раз – вдвое превосходящую реальную.

– Не хочу и слышать о них. Если они так добиваются этого участка, значит, он стоит намного больше, чем они предлагают.

Я отошел к окну, не желая вступать в спор. Мофас считал, что нужно продать землю и сразу получить барыши. Он пекся о каждодневной выгоде, но совершенно не умел прогнозировать будущий доход.

– Они предлагают новую цену, – сообщил он. – Неужели вы откажетесь от ста тысяч долларов?

В окно я увидел малыша, который тащил мимо уличного фонаря голубую тележку, нагруженную большими бутылками из-под лимонада. Штук шесть или семь, красная цена им четырнадцать центов, чуть-чуть не хватает на три шоколадки. Тащивший тележку босоногий негр-тенок в коротких штанах и полосатой майке был очень сосредоточен. Возможно, он думал о правилах правописания, преподанных ему вчера в школе, о том, как следует писать слово «кенгуру». Но скорее всего, о том, как раздобыть еще один цент, чтобы купить третью шоколадку.

– Сто тысяч?

– Они хотят встретиться с вами, – прохрипел Мофас.

Я услышал, как он чиркнул спичкой, и, обернувшись, увидел, что Мофас сделал первую затяжку.

– Что им нужно от нас, Уильям? – На самом деле Мофаса звали Уильям Уортон.

Он принял вид заговорщика:

– Местная администрация надумала проложить через Уиллоуби-Плейс основную магистраль – четырехполосную трассу.

Мне принадлежало девять акров земли по одной сторону от Уиллоуби. Участок стал частью гонорара за то, что я нашел пропавшее имущество старого японского садовника.

– Ну и что? – спросил я.

– Они дадут вам аванс – сто тысяч долларов на застройку участка и примут в дело как партнера.

– Прямо не могут дождаться, когда я наконец возьму от них деньги!

– От вас нужно одно, мистер Роулинз, – дать мне положительный ответ, а я им скажу, что голосование совета нашей фирмы состоялось.

Заключение сделок происходило через Мофаса, представляющего организованную мной корпорацию. Ее «совет» состоял из одного человека.

Мне стало смешно. Вот я каков, сын лесоруба, негр, сирота, да еще с юга. Кто бы мог подумать, что я когда-нибудь наскребу пять тысяч долларов, а вот теперь меня обхаживают белые торговцы недвижимостью.

– Договорись с ними о встрече, – сказал я. – Хочу взглянуть, что это за люди. Но не очень-то рассчитывай на барыши, Вилли. Скорее всего, сделка не состоится.

Мофас ухмыльнулся, выпуская дым сквозь зубы.

Глава 4

Был теплый вечер. Я остановил машину в конце своего квартала. Зеппо и Рафаэль исчезли. Картонная коробка, которую Рафаэль использовал как столик, валялась на тротуаре. На кромке, в лужице крови, лежал сломанный зуб. Кто-то получил горький урок в школе ловкости рук Рафаэля Гордона.

Увидев засохшую кровь, я вспомнил об убитой проститутке.

После всего случившегося мне хотелось побыть одному, поэтому я решил пропустить стаканчик, прежде чем вернуться к жене.

Кафе «Авалон» было размером не больше оконной витрины. Стойка бара и шесть табуретов занимали все пространство. Рита Кук продавала бутылочное пиво и напитки, смешанные с водой или со льдом.

Единственный посетитель, крупный мужчина, отвернулся к стене у платного телефона в конце стойки бара.

– Какими судьбами, Изи Роулинз? – спросила Рита, невысокая крепкая женщина с глазами-бусинками и тонкими губами.

– Решил пропустить стаканчик виски.

– А я считала, что вы не заходите в бары так близко от дома.

– Сегодня надумал зайти.

– Почему бы и нет? – говорил по телефону здоровяк. – Я готов.

Рита налила виски в узкий стаканчик.

– Как Регина и девочка?

– У них все отлично.

Она кивнула и взглянула на мои руки.

– Вы слышали об убийствах девушек?

– Что-то слышал.

– Прямо не знаю, как доберусь одна до машины сегодня вечером.

– А вы закрываете бар одна? – поинтересовался я.

Не успела Рита ответить, как здоровяк так шмякнул трубку на телефон, что тот жалобно зазвенел.

Дюпре Бушар повернулся к нам и поднялся. Роста он был не меньше шести футов и пяти дюймов. Увидев меня, здоровяк огляделся, словно отыскивая заднюю дверь. Но в кафе была только одна – та, через которую я вошел.

В молодости мы с Дюпре дружили. Однажды ночью он перебрал и вырубился, оставив меня и свою подружку Коретту наедине, – и нам с ней делать было нечего, разве что подержаться друг за друга.

Может, он слышал наши сдавленные стоны сквозь алкогольное помутнение рассудка. А может, считал меня виноватым в том, что на следующий день ее убили.

– Привет, Дюпре. Как дела на «Чемпионе»?

Мы оба работали на заводе фирмы «Чемпион эйр-крафт» десять лет назад. Дюпре был классным токарем.

– Да ничего хорошего, Изи. Каждый день какая-нибудь новая инструкция или штраф. А если ты негр, то два штрафа.

– Верно, – согласился я. – Верно. Куда ни повернись, везде одно и то же.

– У нас дома, на юге, лучше. По крайней мере, на юге цветной брат не ударит тебя ножом в спину.

Он посмотрел мне прямо в глаза. Дюпре не мог пришить мне ничего, связанного с Кореттой. Просто знал, что я был с ними однажды ночью, а потом она навсегда покинула его.

– Не знаю, Дюпре, хотя вообще-то не припомню, чтобы в округе Лос-Анджелес когонибудь линчевали.

– Будете пить, Дюпре? – спросила Рита.

Здоровяк сел через два табурета от меня и кивнул ей.

– Как поживает твоя жена? – Я решил перевести разговор на нейтральную тему.

– С ней все в порядке. Я теперь работаю в больнице «Темпл».

– Неужели? Моя жена тоже работает там. Ее зовут Регина.

– Как она выглядит?

– Смуглая, хорошенькая и стройная. Она работает в родильном отделении.

– В какую смену?

– Обычно с восьми до пяти.

– Тогда, скорее всего, я даже не видел ее. Я там всего два месяца и постоянно в ночную смену. Я работаю в прачечной, в подвале.

– И тебе нравится?

– Да, – с горечью бросил он. – Я вне себя от восторга.

Дюпре взял бокал, принесенный Ритой, залпом осушил его и бросил две монеты по двадцать пять центов на стойку бара.

– Мне пора.

Не проронив больше ни слова и нахмурившись, он прошел мимо меня к двери. Я все еще помнил, как громко хохотал Дюпре в ту ночь, которую провел со мной и Кореттой.

Мне бы очень не хотелось, чтобы друг считал меня подонком, однако наши желания не всегда совпадают с реальностью.

– Андре Лавендер, – пробормотал я.

– Что вы сказали? – спросила Рита.

– Андре. Вы знаете его?

– Нет.

– Дайте мне листок бумаги.

Я записал фамилию Андре и номер его телефона.

– Позвоните ему и скажите, что я просил его прийти и проводить вас до машины.

– Он работает на вас?

– Однажды я оказал ему услугу. А теперь он поможет вам.

– Заплатить ему?

– С него хватит и стаканчика виски.

Я подвинул к ней свою рюмку, и она вновь наполнила ее.

Джезус ходил колесом по лужайке при свете фонаря, висевшего над крыльцом. Маленькая Эдна стояла в своей кровати, держась за перекладины, пускала пузыри и улыбалась своему немому брату. Я вошел через калитку и поднял футбольный мяч, который лежал в кустарнике возле ограды. Как только Джезус повернулся ко мне, я свистнул и бросил мяч. Он поймал его и, держа в одной руке, помахал Эдне, как бы подзывая ее. Она запрыгала в кровать так, что перекладины затрещали, и что-то громкое пролепетала.

Джезус изо всей силы ударил мячом по толстой стальной сетке ограды. Звон сетки звучал как музыка для городских детишек.

– Что вы здесь вытворяете?

Регина на секунду застыла на сером фоне двери. Выйдя на крыльцо, она остановилась перед нашей малышкой, словно защищая ее. Эдна недовольно заверещала: мать заслонила от нее Джезуса и двор.

– Не волнуйся, дорогая. Все в порядке. – Я поднялся по трем ступенькам на крыльцо.

– А если он нечаянно попадет в нее мячом?

Эдна вдруг шлепнулась на попку, прикрытую подгузником. Джезус вскарабкался на дерево.

– Ты должен быть осторожнее, Изи, – сказала моя жена, с которой мы прожили уже два года.

– Иси, – повторила Эдна.

Я не нашелся что ответить, у меня всегда слегка кружится голова, когда я гляжу на Регину. У нее кожа цвета полированного эбонита и огромные миндалевидные глаза, расставленные на дюйм шире, чем у других. Она высокая, стройная и неправдоподобно красивая. Я без ума от нее. Лицо Регины безупречно: ни пятнышка, ни морщинки. Я никогда не видел у нее ни прыщика, ни родинки, ни даже волоска, выросшего не там, где нужно. Она иногда закрывает глаза, но никогда не моргает, как другие. Регина – само совершенство. А как она ходит или сидит! Сальные намеки никогда не выводят ее из себя, а бедность не шокирует.

С каждым днем я люблю жену все больше. Мы и двух слов не успели сказать друг другу, как я влюбился в нее.

– Ничего страшного, дорогая. – Я невольно потянулся к ней, но она отступила, грациозная, как танцовщица.

– Послушай, Изи. Джезус очень неосторожен с Эдной. Поговори с ним.

– Он куда осмотрительнее, чем ты думаешь, детка. Ему пришлось нянчиться с малышами больше, чем иным женщинам. Джезус все понимает, хотя и не говорит.

Регина покачала головой.

– У него есть проблемы, Изи. И эти проблемы не исчезают, сколько бы ты ни твердил, что с ним все в порядке.

Джезус спустился с дерева и направился в свою комнату.

– Не пойму, о чем ты, дорогая. У всех свои проблемы, и каждый решает их в меру своего разума.

– Но Джезус совсем еще мальчик. Не знаю, в чем его проблемы, но уверена, что они серьезные, раз он не может говорить.

Я не стал спорить. Никак не могу набраться смелости и рассказать ей о том, что произошло. Я забрал мальчика из дома пропавшей женщины после того, как какой-то мерзавец купил его и надругался над ним. Разве можно объяснить, что я знаю, кто убил потом этого негодяя, но молчу?

Регина взяла Эдну на руки. Девочка запищала. Мне хотелось схватить их обеих и обнять так крепко, чтобы все недомолвки просто потеряли смысл.

Временами с Региной очень трудно разговаривать. Она всегда знает, что хорошо, а что нет. Любого может разозлить. До такой степени, что я не знаю, чего во мне больше – любви или ярости.

Они ушли в дом, а я остался на крыльце со своими мыслями. Мне известно так много тайн и поломанных судеб. Регина и Эдна далеки от всего этого. Пусть пребывают в неведении.

Наконец я вошел в дом, чувствуя себя тенью, внезапно оказавшейся на свету.

Глава 5

– Ты где-то выпил, – сказала Регина.

Едва ли она почувствовала запах, и не столько я выпил, чтобы пошатываться. Просто жена знала меня. Мне это нравилось, и мое сердце билось сильнее.

Эдна и Регина расположились на диване. Девочка, увидев меня, пролепетала: «Иси» – и поползла ко мне. Если бы Регина не схватила ее, она упала бы на пол.

Эдна расплакалась, как будто ее шлепнули.

– Ты был в полицейском участке?

– Куинтен Нейлор хотел поговорить со мной.

Я всегда огорчался, когда девочка плакала. Мне захотелось успокоить ее, но Регина держала Эдну на руках и говорила со мной, словно не слышала плача.

– Поэтому ты и напился?

– Перестань!

Все происходило как бы в замедленном темпе. У нас полно времени, чтобы обсудить и уладить наши дела. Только бы Эдна успокоилась, и тогда все будет в порядке.

– Я просто зашел в «Авалон» пропустить рюмочку.

– Представляю себе размер этой рюмочки.

– Да, да. Я должен был выпить после того, что показал мне сержант Нейлор.

Эти слова привлекли ее внимание, но взгляд оставался жестким и холодным.

– Он привез меня на пустырь на Сто десятой улице. Там нашли труп. Девушка убита выстрелом в голову. Тот же тип убил еще двоих.

– Они знают, кто это сделал?

Я подавил улыбку, заметив, что лицо Регины смягчилось, и едва не вскрикнул от радости.

– Нет. – Я старался выглядеть трезвым.

– Откуда же им известно, что это один и тот же?

– Потому что он психопат. Он метит их горящей сигарой.

– Насилует? – тихо спросила она, потом посмотрела на меня удивленно.

– Да. – Я внезапно пожалел, что заговорил на эту тему. – И многое другое.

Взяв Эдну на руки, я расположился рядом с женой.

– Нейлор просил меня помочь. Он думал, будто я что-то знаю.

Когда Регина положила руку на мое колено, я чуть не завопил от радости.

– С какой стати?

– Понятия не имею. Он считает, что, раз у меня много друзей в округе, я мог что-то слышать. Я сказал, что ничем не могу помочь ему, и мне захотелось выпить.

– Кого убили?

– Девушку по имени Бонита Эдвардс.

Регина положила руку мне на плечо.

– Никак не возьму в толк, почему полицейский пришел сюда с расспросами. Уж не решил ли он, что ты соучастник?

Регина всегда пыталась выяснить, почему люди обращались ко мне за помощью. Почему я считал необходимым помогать им, когда они попадали в беду? Она так и не узнала, каким образом я вызволил ее двоюродного брата из тюрьмы.

– Понимаешь, он, наверное, считает, что я все еще болтаюсь на улице, но я объяснил ему, что целыми днями работаю на Мофаса и редко где-то бываю.

До встречи с Региной я вел довольно скрытную жизнь. Никто обо мне ничего не знал. Никто не подозревал, каким имуществом я владею. Никто не ведал о моих связях с полицией. Обладание тайной давало мне чувство уверенности. Я твердил себе, что Регина – моя жена,

партнер на всю жизнь, хотел рассказать ей о том, чем занимался все эти годы. Признаться, что Мофас на самом деле работает на меня и куча денег лежит на моих счетах в разных банках по всему городу. Но мне хотелось сделать это без всякой спешки. По моему образу жизни никто бы не догадался, что я богат. Жена вряд ли могла что-либо заподозрить. Когда-нибудь я расскажу ей все. Но только если буду убежден, что она поймет меня правильно и примет таким, каков я есть.

– Меня знают в нашем округе, дорогая, и для Нейлора это не секрет. А девицу нашли всего в двенадцати кварталах отсюда.

– Ты можешь помочь им?

Эдна пускала слюни на мою рубашку, засунув ручонки в ее карман.

– Нет. Мне ничего не известно. Но я обещал попытаться что-нибудь разнюхать. Все-таки это ужасный случай.

Регина смотрела на меня, как антиквар на подозрительное бриллиантовое кольцо. Я подбрасывал Эдну, пока она не рассмеялась. Тут я улыбнулся Регине. Но жена лишь покачала головой, не сводя с меня недоверчивого взгляда.

Внезапно Эдна обмякла в моих руках, словно прибавила в весе. Я посадил ее на колени и откинулся назад.

Регина приложила прохладную ладонь к моей щеке. Я разглядывал ее руку, думая о несчастных убитых девушках.

Эдна уснула, и Регина отнесла ее в постель. Я последовал за женой в нашу спальню, такую маленькую, что в ней едва помещалась кровать.

Регина разделась и потянулась за ночной рубашкой. Но я обнял жену прежде, чем она успела надеть ее. Мои брюки уже сползли ниже колен. Мы упали на постель, и Регина оказалась сверху. Она слабо пыталась вырваться, но я удержал ее, нежно поглаживая. Жена уступила моим ласкам, но так и не поцеловала меня. Я перевернулся, подмял Регину под себя и обхватил ее голову ладонями. Она не сопротивлялась, когда я раздвинул ее бедра, но так и не открыла ни рта, ни глаз. Я коснулся языком ее зубов, но не продвинулся дальше.

Мы лежали обнявшись. Она зарылась лицом в мою шею, пока я освобождался от трусов и рубашки. Но когда я попытался войти в нее, ускользнула от меня. Регина вела себя необычно. Моя жена не отличалась особым пылом, но я примирился с этим. Сейчас она вроде бы хотела меня, но никак этого не проявляла.

Затуманенный алкоголем, я распалился еще сильнее, пристроился сзади и вошел в нее на собачий манер.

– Изи, прекрати! – воскликнула она, но я знал, что это означало: «Продолжай, полный вперед!»

Регина согнулась, и я обхватил ее ноги своими. Я распалился вовсю, а она, пытаясь удержаться за ночной столик, так сильно толкнула его, что опрокинула на пол. Вилка настольной лампы выскочила из розетки, и в комнате стало темно.

– Боже мой, нет! – всхлипнула Регина в оргазме, стелая, извиваясь и толкая меня локтями.

Когда я отпустил ее, она оттолкнула меня и встала. Я помню, как зажегся свет, как Регина стояла надо мной в слепящем электрическом ореоле. Помню капельки пота на ее лице и влагу на волосах лобка. Она смотрела на меня с непонятным выражением.

– Люблю тебя, – сказал я.

И уснул, прежде чем она успела ответить.

Мне снился прекрасный солнечный день, когда все кажется золотым. Так бывает только в Южной Калифорнии. Бонита Эдвардс сидела под деревом, вытянув ноги и уронив руки ладо-

нями вверх. Вокруг нее копошились птицы: воробьи и сойки. Слабый бриз веял легкой прохладой.

– Кто это сделал? – спросил я мертвую девушку.

Она подняла голову. Через пулевое отверстие просвечивало ярко-синее небо.

– Что? – Голос ее прозвучал тихо и робко.

– Кто сотворил с тобой такое?

Тут она расплакалась. Странно, но это не был обычный женский плач.

Регина обеими руками обхватила ствол дерева. Юбка была поднята выше ягодиц, и здоровенный голый мужчина трахал ее сзади. Голова Регины моталась из стороны в сторону, а тело вдруг сотряс мощный оргазм. И тут она издала те же звуки, что и Бонита Эдвардс.

Меня охватила ненависть к ним – острая, пронзительная. Я схватил Бониту за отвороты ее розового платья и поднял на ноги. Продолжая плакать, она повисла у меня на руках, тяжелая, как труп. Да она и была трупом.

Плач казался очень странным, напоминая писк котенка или звук прохуdivшейся трубы. Может, плач ребенка?

Я замерз, так как во сне сбросил одеяло, и открыл глаза. Закатываясь, плакала Эдна. Я встал, направился к двери и, обернувшись, заметил, что Регина смотрит в потолок. Она чем-то напугала меня. Но я отогнал этот страх, решив, что он часть кошмарного сна.

«Скоро все кончится, – подумал я. – Убийцу поймают, и мои кошмары прекратятся».

Глава 6

Я пошел на кухню, чтобы подогреть молоко для Эдны. Потом достал бумажную пленку из упаковки. Джезус через день приносил такие из магазина Лу Элен Стоун.

Эдна плакала, сидя в своей кровати в углу гостиной. Включив ночник, я склонился над ней, и она тут же замолчала. Я поцеловал ее в щеку. Девочка сразу заулыбалась и начала гулить. Я отнес ее на кухню, положил на пленку, расстеленную на столе, наполнил теплой водой красную пластиковую ванночку и развязал старую пленку. Эдна снова расплакалась, но на этот раз не сердито. Она просто жаловалась мне, и я готов был заплакать вместе с ней.

Я подмывал дочку мягким полотенцем, приговаривая всякие глупости и время от времени целуя ее. Наконец она перестала плакать. Бутылочка с молоком уже согрелась, я быстро завернул девочку в свежую пленку и начал кормить ее, прижав к груди. Эдна сосала бутылочку, гулькала и пыталась схватить меня за нос.

Внезапно обернувшись, я увидел в дверях Регину. Она смотрела на нас.

– Ты действительно любишь ее, малыш?

За одно ласковое слово Регины я готов пожертвовать всем. Стоит жене приоткрыть дверь, и я уже мчусь к ней со всех ног.

Я улыбнулся ей, но тут выражение ее глаз изменилось. Казалось, выключили свет или дверь дома захлопнулась перед самым моим носом.

– Крошка, – пробормотал я.

Эдна повернулась у меня в руках, желая видеть свою маму, протянула к ней ручки, и Регина забрала у меня девочку.

– Мне нужны деньги, – сказала моя жена.

– Сколько?

– Шестьсот долларов.

– Это не проблема, – кивнул я и сел.

– Откуда у тебя такие деньги?

Я удивленно взглянул на нее.

– Я спросила откуда, Изи.

– Ты спросила, могу ли я достать для тебя шестьсот долларов.

Она покачала головой, и ее прямые волосы, качнувшись, застыли.

– Нет. Я сказала, что мне нужны деньги, но ни о чем тебя не просила. А вот тебе следовало бы поинтересоваться, зачем они мне и сколько у меня есть.

Я видел, как медленно светлело ночное небо за небольшим окном над раковиной. Казалось, мир расширялся, и мне захотелось выбежать наружу.

– Ну хорошо. Зачем же тебе деньги?

– Мне нужно купить кое-что из одежды для себя и дочки и оплатить счет за машину. К тому же моя тетка, та, что живет в Коллет, заболела. Ее необходимо поместить в больницу.

– Что с ней?

– По словам доктора, камни.

– А сколько у тебя денег? – Я чувствовал себя почти главой семьи.

– Нет, нет, Изи. Сначала расскажи, где ты возьмешь шестьсот долларов. – Она щелкнула пальцами. – Просто так.

– Я не заглядывал в твой карман, крошка. Это твои деньги, – возразил я. – И меня это ничуть не касается.

– Тебе незачем спрашивать об этом, Изи Роулинз. Ты знаешь, что я работаю в больнице. Прихожу туда каждое утро в восемь и возвращаюсь домой в половине шестого. Тебе отлично известно, откуда у меня деньги.

– Но ведь и тебе известно, что я работаю на Мофаса. Конечно, у меня нет определенных часов работы, но все равно – я такой же служащий.

Она снова щелкнула пальцами, глядя на меня. Ее выводила из себя моя ложь.

– Простым трудом не заработаешь таких денег. Ты считаешь меня дурочкой?

Мы оба из бедных семей.

Регина родилась в Арканзасе и была старшей из четырнадцати детей. Ее мать умерла при рождении последнего ребенка. А отец тут же спился от горя. Регине удалось поднять всех. Она работала и на ферме, и продавщицей. Не знаю подробностей, но не сомневаюсь: ее жизнь была очень тяжелой.

Однажды она призналась: порой, чтобы накормить голодные рты, приходилось делать такое, о чем стыдно вспоминать.

– Поверь, я не преступник и могу достать для тебя деньги. Они нужны тебе?

Эдна, уютно устроившись на руках у матери, громко рассмеялась и бросила бутылочку на пол. Ее глаза и улыбка светились лукавством.

Регина прикусила губу. Другая женщина сочла бы такой разговор пустяком, а для нее не докопаться до истины было капитуляцией.

– Ты должен мне все рассказать, Изи.

– Я ничего не скрываю от тебя, крошка. Тебе нужны деньги, и я могу их достать. Ты же знаешь, я люблю тебя и Эдну и готов для вас на все.

– Почему же ты не отвечаешь на мои вопросы?

Я поднялся так быстро, что Регина вздрогнула.

– Я ведь не спрашиваю тебя об Арканзасе, верно? Но выясняю, что тебе приходится там делать. Когда ты говоришь, что твоя тетка нуждается в деньгах, я не спрашиваю почему. Мне это безразлично. Если любишь меня, принимай таким, каков я есть. Я ведь никогда не сделал тебе ничего плохого?

Регина молчала, уставившись на меня.

– Так или нет?

– Нет. Ты никогда и пальцем меня не тронул. Это правда.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты ни разу не ударил меня. Но дело не в этом, потому что, если ты только осмелишься поднять руку на меня или мою дочь, я застрелю тебя. – Она вела себя вызывающе, но так ей было легче. – Ты не ударил меня, но сделал кое-что гораздо хуже.

– Например?

Регина посмотрела на мои руки, и тут я заметил, что невольно сжал кулаки.

– Как ты назовешь свое поведение ночью? – спросила она.

– А в чем дело?

– Вспомни, что ты вытворял со мной. Я не хотела тебя, а ты все равно лез ко мне. Ты изнасиловал меня.

– Изнасиловал? – расхохотался я. – Муж не может изнасиловать жену.

Мой смех оборвался, когда я увидел сердитые слезы в глазах Регины.

Эдна смотрела на нее широко раскрытыми глазами, словно на незнакомку.

– И это еще не все, Изи. Я хотела назвать нашу дочь Понтеллой, в честь ее прабабушки. Но по твоему настоянию мы назвали ее Эдна. Ты сказал, будто тебе просто нравится это имя, но я знаю, его носила та женщина, на которой был женат твой сумасшедший друг.

Она имела в виду Этту Мэй и была права.

– Я просто хотел узнать, нужны ли тебе шестьсот долларов, и готов их достать, но теперь тебе придется попросить меня.

Регина подняла красивое черное лицо и уставилась на меня. Выждав минуту, она кивнула: почти незаметный жест – никакой благодарности.

Я одержал жалкую победу. Мне так хотелось сделать ее счастливой, но у меня нет того, что ей нужно.

Глава 7

Несколько вечеров я старался реже попадаться ей на глаза, проводил время в барах, выпивая часов до одиннадцати, и приходил домой, когда все уже спали. Мне было легче жить без лишних расспросов.

Я никогда и никому не позволял лезть в мою частную жизнь. Много раз я предпочитал получить по зубам, чем отвечать на вопросы полицейского следователя. А теперь столкнулся с молчанием Регины и ее недоверием.

По ночам мне снились кошмары: тонущие суда и падающие лифты.

На третью ночь я вовсе не смог уснуть, слышал самые тихие звуки города и начало движения по Центральной авеню. В шесть тридцать Регина встала. Через минуту в другой комнате заплакала Эдна, а потом рассмеялась.

В семь пришла няня, Габби Ли, двоюродная сестра Регины. Чрезвычайно громогласная. Это нравилось Эдне, а меня будило раньше времени.

– Уга-ва! – закричала няня. – Уги-уги-уги-ва-ва-ва!

Эдна вторила ей, вереща от восторга.

В семь пятнадцать хлопнула дверь. Регина направилась к своему маленькому «студебеккеру». Раздался звук стартера и шорох шин отъезжающего автомобиля. Габби Ли отнесла Эдну в ванную. Почему-то она считала, что детям следует менять пеленки в ванной.

Может, хотела таким образом приучить девочку к туалету.

Когда она вышла, я сказал:

– Доброе утро.

Габби Ли, крупная, хотя и не очень толстая, напоминала бочку. Более светлокожая, чем большинство белых, рыжеволосая, с явно негритянскими чертами лица, она улыбалась только женщинам и детям.

– Вы сегодня дома? – спросила она меня, хотя именно я платил ей деньги.

– Это ведь мой дом, не так ли?

– Голубка, – так она ласково называла Регину, – хотела, чтобы я сделала уборку. Вы будете мне мешать.

– Это ведь мой дом, не так ли? – повторил я.

Габби Ли осклабилась.

Я пошел в ванную, стараясь не замечать ее. В раковине лежала под струей кипятка грязная пеленка.

На крыльце меня ждала газета, свернутая в трубку и перетянутая крошечной синей резинкой. Я взял ее и заварил кофе в старом кофейнике, купленном мною на третий день после возвращения из армии в 1945 году.

Джезус поцеловал меня. Он держал в руке школьный портфель. На нем были теннисные туфли, джинсы и бежевая майка.

– Веди себя хорошо и учись прилежно, – сказал я.

Он энергично кивнул и улыбнулся – так, словно его нанимали на работу. Выскочив за дверь, мальчик помчался по улице.

Джезус никогда не был хорошим учеником. С пятого класса его перевели в группу трудных детей. С ним учились малолетние преступники и полудиоты. Но Киша Джонс, учитель Джезуса, уделял ему особое внимание. Поэтому мальчик каждый вечер ложился в постель с книгой.

Я налил себе кофе и сел за стол, размышляя о том, что же делать с Региной. Кто знает, может, я что-нибудь и придумал бы, если бы не заголовок в «Лос-Анджелес экземинар».

«УБИТА ЖЕНЩИНА
ЧЕТВЕРТАЯ ЖЕРТВА
МАНЬЯК ПРОДОЛЖАЕТ ОХОТУ НА ЮГЕ»

Робин Гарнет последний раз видели возле аптеки Триф-ти недалеко от «Авалона». Она разговаривала с женщиной, на которой был плащ с поднятым воротником и широкополая шляпа стетсон. Позднее девушку нашли в четырех кварталах оттуда, в небольшом заброшенном сарае на пустыре, избитой и, возможно, изнасилованной. Газета не сообщала подробностей, а просто упоминала о нанесенных увечьях. Не оставалось сомнений, почему заметку об этом убийстве, в отличие от предыдущих, поместили на первой полосе. Робин Гарнет была белой женщиной.

Я также узнал, что Робин училась в колледже Лиги молодых христиан, жила с родителями и окончила среднюю школу в Лос-Анджелесе. Однако статья не объясняла, почему девушка оказалась в центре негритянского района.

Попивая кофе, я закурил «Кэмел» и открыл шторы, чтобы увидеть няню и девочку, как только они появятся.

Около девяти Габби Ли вышла из моей спальни с Эдной, одетой для прогулки. Я протянул к дочке руки, она радостно завещерала и потянулась ко мне, но Габби Ли не отпускала ее.

– Дай мне ребенка.

Я держал Эдну в объятиях, она схватила меня за нос. Мы улыбнулись друг другу и расхохотались.

– Нам пора, – заявила через минуту Габби Ли.

– Кажется, ты хотела заняться уборкой?

– Только когда останусь одна. К тому же сегодня прекрасный день, и ребенку полезно побыть на солнце.

Я вернул дочь зловредной бабе. Габби просияла, взяв Эдну на руки. Еще бы: такой симпатичной девочке улыбнулась бы и статуя.

Едва они ушли, зазвонил телефон. Когда он умолк, я снял трубку.

Взяв с полки Платона, я сел возле залитого солнцем окна гостиной и открыл диалог «Федон». Когда я прочел, как он умирает на каменной скамье, мои глаза затуманились. Каково же быть белым человеком, который чувствует, что принадлежит к своему обществу? Я попытался представить себе, что значит отдать жизнь из любви к родине и при этом умереть не героем на поле битвы, а преступником.

В одиннадцать сорок семь длинный черный автомобиль остановился у моего дома. Из него вышли четверо мужчин – трое белых, в деловых костюмах, и Куинтен Нейлор. Они огляделись без тени страха, хотя и оказались в центре негритянского квартала. Поэтому я понял, что это полицейские.

Куинтен повел их к моей двери. Все эти крупные мужчины были из тех белых, которые добиваются успеха лишь потому, что выше других ростом. Почти все мои боссы были белыми, очень высокими или очень толстыми. Послушания на такой работе можно добиться только подавлением.

Я встретил их у двери.

– Доброе утро, Изи, – сказал Нейлор без улыбки. – Мы пытались дозвониться. Эти люди хотели бы обсудить с вами последние новости.

– Мне надо кое-куда съездить через сорок пять минут. – Я не отступил ни на дюйм.

– Открывай, Роулинз, – потребовал мужчина средиземноморского типа, с тонкими губами, одетый в серебристый костюм.

Мне показалось, что я узнал его; впрочем, большинство полицейских слились в моем воображении в образ грубого кулака.

– Вы хотите предложить мне что-то прочитать?

– Это капитан Вайолет, Изи, – пояснил Куинтен, – начальник полицейского участка.

– Вот как! – Я изобразил удивление. – А остальные, конечно, штатские?

Вайолет был примерно моего роста, около ста восьмидесяти сантиметров. Рядом с ним, позади Нейлора, стоял мужчина на дюйм ниже, в костюме небесно-голубого цвета, с голубоватой внешностью: бледным мясистым лицом, огромными ушами и кустистыми черными бровями. Темные волосы торчали даже из ушей. Он протянул к моей двери руку, тоже грубую и волосатую.

– Привет, мистер Роулинз. Меня зовут Хорас Восс, я осуществляю связь между офисом мэра и полицией.

Поняв, что от них не отделаться, я распахнул дверь и пожал руку мистера Восса.

– Ну что ж, входите, если хотите, но я еще не одет, хотя и должен скоро уехать.

Едва все мы, пятеро крупных мужчин, вошли в мою гостиную, в ней стало тесно, как в общественном туалете, но мне все же удалось усадить гостей. Сам я стоял, облокотившись на телевизор.

Самый высокий, с которым меня не познакомили, был в бежевом костюме из магазина «Сирс». Мой дядя Огден Уилли носил такой же в болотах Луизианы лет тридцать назад.

У этого тощего костлявого мужчины с длинными пальцами и зелеными глазами голова почти облысела; остались лишь небольшие кустики черных волос около ушей.

Скрестив длинные ноги, он улыбнулся. Внешностью этот тип напоминал мне фарфорового дьявола из сувенирного магазина Чайна-тауна.

– Меня зовут Бергман, мистер Роулинз. Я работаю на губернатора штата. Но здесь я неофициально, просто изучаю эти ужасные серийные преступления.

– Кто-нибудь хочет выпить? – спросил я.

– Нет, – ответил за всех Вайолет, но мне показалось, что мистер Восс охотно подержал бы стакан в своих грубоватых пальцах.

– Мы пришли...

– Мы пришли узнать, – капитан Вайолет оборвал Куинтена Нейлора, – кто убил этих девушек. Мы не позволим этому маньяку бегать по нашим улицам. – Он стиснул зубы.

– Что за чушь, – отозвался я. – Извините, но я не могу слушать такие речи на трезвую голову.

Я пошел на кухню. Поскольку они меня не нанимали, нечего бояться увольнения. Да и бить, пожалуй, не станут. Уж слишком они большие шишки. Конечно, позже могут прислать каких-нибудь мерзавцев. Да, нужно полегче на поворотах. Но их визит взбесил меня. Налив себе большой бокал пива, я вернулся в комнату. Восс с завистью смотрел на пенную шапку и облизывался.

– Что ты выпендриваешься, Роулинз? – брякнул Вайолет.

– Послушайте, я ведь у себя дома, не так ли, и не приглашал вас сюда. А вы сидите здесь, в моей гостиной, и говорите со мной так, словно у вас кастет в кармане. – Я разгорячился. – И что-то кричите о мертвой девушке, хотя я знаю, что до нее убили еще троих, но вам на это наплевать! Еще бы: те были черные, а эта белая! – Если бы мою речь показали по телевизору, каждый цветной в Америке стоя приветствовал бы меня.

Вайолет вскочил, но вовсе не для того, чтобы аплодировать. Он побагровел от злости. Тут-то я и вспомнил его. Он был всего лишь рядовым полицейским, когда вытащил Алвина Льюиса из его дома на Саттер-Плейс. Алвин избил женщину в аллее, рядом с местным баром, и Вайолет приехал принять меры. Женщина, Лола Джонс, отказалась подать жалобу, и Вайолет решил сам свершить правосудие. Его лицо было таким же красивым, когда он колотил Алвина полицейской дубинкой. Я чувствовал себя последним трусом, пока трое других белых полицейских стояли рядом, держась за рукоятки револьверов, и мрачно ухмылялись. Их радовало

вовсе не то, что наказывают преступника, им просто нравилось ощущать свою власть. Они были ничем не лучше нацистов.

– Успокойся, Энтони, – приказал Бергман. – Мистер Роулинз, извините, что нарушаем ваши планы, но нас побуждают к этому чрезвычайные обстоятельства. Маньяк убивает женщин в нашем городе, и необходимо что-то предпринять. Я не слышал о женщинах, убитых ранее, но обещаю вам разобраться с этим, независимо от наших взглядов.

– Заняться этим придется полиции, а я просто рядовой гражданин. Моя главная забота – переходить улицу на зеленый свет.

Мистер Бергман явно не отличался нервозностью. Он лишь улыбнулся и кивнул.

– Вы правы, конечно. Энтони должен разобраться с этим делом по справедливости. Но вы прекрасно понимаете, что ему нужна помощь, не так ли, мистер Роулинз?

– Ничем не могу помочь. Я не служу в полиции.

– Уверен, что можете. Вы знаете большинство здешних обитателей, бываете в таких местах, куда не ступает нога полицейских. Люди, не желающие говорить с представителями закона, охотно потолкуют с вами. Нам пригодится любая помощь в этом деле, мистер Роулинз. – Он протянул мне руку, но я сделал вид, что не замечаю ее.

– У меня своих дел по горло. Ничем не могу вам помочь.

– Нет, можете, – прохрипел Вайолет.

Я понял, что зарываюсь. Если бы капитан Вайолет пришел один, он бы давно уже выбил мне половину зубов.

– У нас уже есть список подозреваемых, Изи, – сообщил Куинтен.

– Ну и что? Арестуйте их и посадите в тюрьму.

Он назвал пару знакомых имен. Но я возразил, что, если преступник известен, значит, нет и проблемы.

– Мы также подозреваем Реймонда Александера, – добавил Куинтен.

При этом все уставились на меня.

– Да вы смеетесь. – Я покачал головой. Реймонд Александер, известный в своем кругу под кличкой Маус, несомненно, сумасшедший и убийца, но заодно мой лучший друг.

– Нет, Изи. – Нейлор скрипнул зубами. Его, как и меня, злили эти белые. – Александер околачивается в тех же барах, которые посещали убитые негрятки, кроме того, известно, что он любит приставать к белым женщинам.

– Как и тридцать тысяч других черных мужчин в возрасте до восьмидесяти лет.

– По-вашему, полиция на ложном пути, мистер Роулинз? – спросил Хорас Восс.

– Вы просто называете имена наугад. Маус не убивал девушек.

– А кто же убил? – Восс оскалился, как голодный волк.

– С чего вы взяли, что я знаю?

– Если не поможете нам, ваша жизнь в этом краю блюзов очень осложнится, – ответил Вайолет.

Полицейский – любитель поэзии.

– Это что, угроза?

Вайолет вытаращился на меня.

– Конечно нет, мистер Роулинз, – вмешался Бергман. – Никто вам не угрожает. Мы все стремимся к одному: найти маньяка, убивающего женщин, и поступить с ним по закону. Вот и все.

Куинтен стоял у окна и смотрел на улицу. Он знал, что мне придется уступить. Иначе капитан Вайолет уничтожит меня. Куинтен злился: ведь я отказался помочь, когда жертвы были только черные. Теперь, когда убита белая женщина, мне не отвертеться. Сам воздух, которым мы дышали, был пропитан расизмом.

– Оставьте в покое Реймонда Александера, пока я разберусь с этим делом. Он не убивал женщин, его арест ничего не даст.

– Если он виновен, Роулинз, ему придется ответить, как любому другому преступнику, – возразил Вайолет.

– Я никого не защищаю. Просто дайте мне оглядеться, если это вам нужно, и на пару дней притормозите с арестами.

Бергман выпрямился во весь свой рост.

– Ну что ж, мне все ясно. Уверен, полиция и мэр окажут вам необходимую помощь, мистер Роулинз.

Другие тоже поднялись.

Вайолет направился к двери, даже не взглянув на меня. Нейлор мрачно молчал. Бергман улыбнулся и тепло пожал мне руку.

– Что вас привело сюда, мистер Бергман? – спросил я.

– Просто рутина. – Он оттопырил нижнюю губу. – Просто рутина.

Хорас Восс протянул мне обе руки.

– Звоните мне на Семьдесят седьмую улицу. Я буду там, пока мы не покончим с этим делом.

Наконец-то они убрались из моего дома. Я не появлялся на улицах со дня свадьбы, пытаюсь завязать с прошлым. Поэтому поиски убийцы должны были стать для меня чем-то вроде воскрешения из мертвых.

Глава 8

На обед я пожарил кровяную колбасу с луком и подогрел красные бобы с рисом. После еды постриг лужайку. В этом не было нужды, но я хотел привыкнуть к мысли о новом задании, и работа в саду успокоила мне нервы.

Стоило мне подумать о Боните Эдвардс, и я тут же представлял себе плачущую Регину. Трагедия убитой женщины каким-то образом соотносилась с гневом Регины.

Я решил отложить выяснение отношений с женой до тех пор, когда закончу работу, порученную мне властями Лос-Анджелеса.

И все же странно вели себя все эти важные белые, почему-то вздумавшие прийти в мой дом и нанять меня.

Я работал на городское управление и раньше, но обычно белые приглашали меня к себе и заставляли ждать на холодной мраморной скамье, чтобы знал свое место. Иногда меня вызывали в полицейский участок и пытались запугать, прежде чем попросить об одолжении. Но еще ни разу мой дом не посещала такая делегация.

Я бы не удивился появлению Куинтена Нейлора, даже с его белым помощником, но сегодняшние гости были по-настоящему важными. Ведь речь идет всего лишь об одной убитой белой женщине, тогда как убийства этих несчастных происходят постоянно. Органы правосудия довольно равнодушны к подобным делам, если это, конечно, не почтенная матрона, изнасилованная в постели собственного мужа.

Ощувив странную пустоту в желудке, несмотря на недавний обед, я заполнил ее тремя рюмками неразбавленного виски, и мне сразу полегчало. Хорошая порция виски способна подавить любое чувство.

В тринадцать тридцать я был готов к выходу. Надел серые брюки, серую рубашку с розовым воротником и желтые замшевые ботинки. Я включил музыку, и мой новый «крайслер» поплыл по боковым улицам, как яхта по каналу.

На углу Девяносто третьей и Хувер-стрит в небольшой публичной библиотеке работала миссис Китон, белая леди из Висконсина. Мы знали друг друга много лет. Ее муж скончался от сердечного приступа в тридцать четвертом году, а двое детей погибли при пожаре год спустя. Старший брат миссис Китон, ее единственный родственник, десять лет служил на военном флоте в Сан-Диего. Уволившись из армии, он переехал в Лос-Анджелес. После пережитых миссис Китон трагедий брат предложил ей жить с ним. Через год спустя он заболел и три месяца спустя умер на руках у сестры от кровохарканья.

Тогда библиотека на Девяносто третьей улице была теперь утешением для миссис Китон. Она относилась к взрослым посетителям как к близким родственникам, а детей считала почти своими. Она пекла пироги в дни рождения постоянных читателей и припрятывала для них лучшие книги.

Мы со Стеллой называли друг друга по имени, но мне не нравилось, что она, хоть и хорошая, но все же белая женщина, работает в библиотеке. Белая, выросшая в окружении белых христиан. Шекспир был ее богом. Я не против Шекспира, но что знала Стелла о народных сказках, загадках и историях, которые цветные рассказывали на протяжении веков? Что знала о нашем языке?

Она постоянно поправляла детей, делающих ошибки в устной речи.

Конечно, Стелла поступала правильно, но, если маленькие цветные будут следовать советам белой женщины, им придется забыть колорит своей речи, свои сказки, чтобы вписаться в среду образования белых – таких, как она. Им придется сменить Уоллера на Моцарта и героев «Сказок дядюшки Римуса» – на Винни-Пуха. Они войдут в мир, где говорят только белые.

Как ни великолепно Диккенс и Вольтер, у этих детей нет своих собственных кумиров в храме знаний – библиотеке.

Я и раньше спорил со Стеллой об этом. Она понимала мои чувства, но, если сказать ей, что кто-то стоит на углу улицы и рассказывает неприличные истории, в чем-то близкие к Чосеру, Стелла сморщила бы нос и покачала головой. Она всегда была очень обходительна. Часто колонизацией цветных сообществ занимаются добрейшие белые люди. Но как ни добра миссис Китон, она инородное тело в нашем мире.

– Доброе утро,IZEKIEL, – сказала миссис Китон.

– Доброе утро, Стелла.

– Как дела у маленького ДЖЕЗУСА?

– У него все хорошо.

– Знаете, он бывает здесь каждую субботу. И хотя чаще старается чем-нибудь услужить, чем читает, по-моему, он делает успехи. Иногда я подхожу к нему и вижу, что он, читая, шепчет слова.

Доктора сказали мне, что голосовые связки у ДЖЕЗУСА в порядке. И он мог бы говорить, если бы захотел.

– Может, когда-нибудь он все же заговорит, – сказал я скорее себе, чем ей.

Она улыбнулась, показав безупречные мелкие жемчужные зубы и розовые десны. У маленькой и жилистой миссис Китон был такой же цвет волос, как у Габби Ли. Но первая достигла его с помощью краски, вторую же наделила им природа, продемонстрировав воочию результат борьбы между генами белых мужчин и черных женщин.

– У вас есть газеты за последние два месяца, Стелла?

– Конечно. «Таймс» и «Экземинер».

Она отвела меня в заднюю комнату с длинным дубовым столом, где пахло старыми газетами. На полках вдоль стен лежали нужные мне подшивки.

Газеты в основном повторяли то, о чем сообщил Нейлор. Статьи затерялись на задних страницах, и между преступлениями никто не устанавливал связи.

Местонахождение Уиллы Скотт и Джульетты Лерой в ночь их гибели было неизвестно. Упоминалось, что обе они были официантками, но Уилла числилась безработной.

Бониту Эдвардс в день смерти видели в баре с несколькими мужчинами и в подпитии. По показаниям свидетелей, девушка ушла из бара одна. Конечно, это ничего не значило – она могла назначить тайную встречу с каким-то женатым человеком, предпочитавшим держаться в тени. Но это мог быть и убийца.

Я добавил эту информацию к тому, что уже читал или слышал о Робин Гарнет.

Робин Гарнет казалась мне загадкой. Она жила с родителями на Хаузер-стрит в дальней западной части города. Ее отец был городским прокурором, а мать – домохозяйкой. Робин училась в колледже Лиги молодых христиан и в двадцать один год все еще была на втором курсе. Недавно она вернулась из поездки по Европе и, если верить газете, собиралась стать учительницей.

Робин выглядела очень мило (единственная жертва, чью фотографию опубликовали газеты): симпатичная мордашка, располагающая улыбка из тех, что называют «здоровыми», светлые, зачесанные назад в консервативной манере волосы. На блузке аккуратно застегнуты все пуговицы. Типичная фотография для семейного альбома, не дающая ни малейшего представления о том, что это за девушка.

Почему же она стала четвертой после серийных убийств трех негритянок? Предположим, белая женщина оказалась жертвой того же преступника, но почему он прикончил трех проституток, а потом вдруг – студентку колледжа?

Я вышел в главный зал библиотеки в недоумении.

– Вы нашли то, что нужно, IZEKIEL?

– Ну, – пробормотал я.

Стелла нахмурилась. Ей хотелось сказать мне, что следует говорить «да».

Бар Джона Маккензи с годами расширился. Он добавил к нему кухню и восемь кабинок, обитых бархатом, и даже нанял повара, умеющего жарить бифштексы и готовить овощи. Здесь же была сцена для исполнения блюзов и джазовых композиций. Целых три официанта обслуживали бар и круглые столы возле сцены.

Бар «Таргет» принадлежал Джону, но во всех документах владельцем числился Оделл Джонс. Джон слишком часто вступал в конфликты с законом, чтобы получить лицензию на спиртное, поэтому и нуждался в подставном лице. Пятидесятивосьмилетний Оделл (он был на двадцать два года старше меня) с его мягкими повадками подходил идеально.

Оделл сидел в своей любимой кабине в конце зала, потягивая пиво и читая «Синтинел», крупнейшую негритянскую газету Лос-Анджелеса. Мы с ним не обменялись и словом за последние три года, и у меня до сих пор кошки скребли на душе – я потерял хорошего друга. Но если ты бедняк и пробиваешь себе дорогу в этом мире, хочешь не хочешь, а кого-то собьешь с ног. И обычно такого же бедолагу, как и ты.

Однажды я попал в беду и попросил Оделла о помощи. Откуда мне было знать, что в результате убьют его священника? Мог ли я осуждать его за то, что он ненавидел меня?

– Изи! – Джон заметил меня, и его черное лицо окаменело.

– Джон. Налей мне кулак «Джонни Уокера». – Это означало на четыре пальца.

Пока он наливал, я спросил:

– Слышал что-нибудь об убитых девчонках?

– Я всех их прекрасно знал, Изи.

Я снова подумал о Боните Эдвардс и выпил полрюмки.

– Всех?

Джон посмотрел мне в глаза и кивнул.

– Даже Робин Гарнет?

– Представления не имею ни о какой Робин, но знаю белую девицу с фото в газете. Это Синди Стар, точно. – Он бросил взгляд на табурет рядом со мной. Возможно, она когда-то сидела на нем. – Да, Синди, Белая Бабочка.

– Что-что?

– Это ее сценическое имя. Она была стриптизершей.

– И по-твоему, ее имя Синди Стар?

– По крайней мере, так все ее называли. Вообще-то она была точно такой же, как и другие три девицы. Не пойму, чего это белые подняли такой шум. Они же молчали, пока ее не убили.

– Ты уверен, Джон? Газеты утверждают, что она училась в колледже в Западном Лос-Анджелесе. Говорят, и жила там же с родителями.

– Читал я газеты, но они часто врут. Если девчонка ходила в колледж, значит, ее там учили, как раздеваться перед мужиками. Если жила с родителями, значит, прямо здесь, в Голливудском Ряду.

– Так, по-твоему, она жила в нашем районе?

– Конечно же, прямо в Голливудском Ряду. И это еще не все.

– Ну?

– Другая девица, Джульетта Лерой, в ночь, когда ее убили, была у «Аретты».

– Откуда ты знаешь?

– Я слышал, у нее была драка там с каким-то парнем. Кой Бастер сказал, будто этого парня так отделали, что пришлось отправить его в больницу «Темпл».

– Так ты говоришь, у «Аретты»?

Джон кивнул.

Я задал ему еще несколько вопросов, и он ничего не утаил.

Я включил мотор и нажал на газ. Машина взревела, и я почувствовал, как меня заносит. Резко крутанув баранку, я ощутил, как машина вильнула задом, прежде чем выровняться.

И тут я увидел женщину. Разинув варежку и беспечно толкая перед собой детскую коляску, она переходила улицу.

Я ударил по тормозам и снова ощутил, что машину заносит. Автомобиль сделал полный оборот, показав мне панораму магазинов на восточной стороне улицы. Когда я оказался лицом к лицу с молодой мамашей, она уже вопила во всю глотку, осыпая меня совершенно непристойными проклятиями.

Еще одна машина затормозила позади меня. Казалось, тормоза скрипели целую вечность, но удара так и не последовало. Мамаша заткнулась, схватила ребенка на руки и побежала к тротуару, оставив коляску посреди улицы.

Мое сердце бешено колотилось. Женщина пыталась успокоить плачущего ребенка.

Я снова завел мотор и уехал, размышляя о том, что, видимо, моя жизнь вышла из-под контроля.

Глава 9

Боун-стрит – местная достопримечательность. Этот горбатый хребет, длиной в четыре извилистых квартала, проходит через джазовый центр Уотса. Лежащая к западу от Центральной авеню и к северу от Сто третьей улицы, Боун-стрит со своими двухэтажными доходными домами и убогими отелями казалась днем изломанной и пустынной. По ночам Боуне, как ее называли, превращалась в центр полуночного блюза. Виски здесь обжигал как огонь. Если кто-то говорил, что собирается гульнуть на Боуне, значит, там его ждали музыка, спиртное и женщины. В конце сороковых и даже в начале пятидесятых все женщины здесь были красавицами, и молодые и старые. Все как одна в шелках и мехах. Они приходили в задние комнаты клубов, очень модные и пристойные на вид, и только их улыбки бросали вызов мужчинам. Женщины слушали музыку Колтрейна, Монка, Холидея и всех прочих и пили наравне со своими мужчинами.

Это было дерзкое и яркое время. Но теперь весь этот блеск и мишура исчезли, обнажив грубую железную основу, тротуары потрескались, и в трещинах выросла трава, клубы все еще существовали, но здесь стало куда тише. Джазмены нашли для себя новые сцены. Многие уехали в Париж и Нью-Йорк. Но блюз остался с нами, блюз не покидает нас. И так будет всегда.

Сонни Терри, Брауни Мак-Джи, Лайтин Хопкинс, Супсун Вайс и сотни других прошли через отели и мелкие притоны, которых по-прежнему полно на Боун-стрит.

В былые дни джазмены подкатывали на роскошных «кадиллаках». А теперешние блюзмены приезжают на междугородных автобусах, а иногда и автостопом.

Здесь, как и раньше, женщин навалом, но одеты они уже не так роскошно. В их глазах меньше страсти и больше голода. Послевоенный бум лопнул, и новое поколение вопрошает: «Где же наша доля?»

Рок-н-ролл царит на радио и в больших танцевальных клубах. Боун-стрит забыта всеми, кроме тех потерянных душ, которых все еще привлекает блеск ее былой роскоши.

Бар «Аретта» располагался в переулке рядом с Тысяча шестисотым кварталом Боун-стрит. За минувшие годы он несколько раз менял названия и адреса. Это более или менее приличный бар, но официантки здесь всегда одеты в предельно допустимый минимум, и полиция считает полезным периодически закрывать это заведение. Теперь Чарлин Марс заправляла «Ареттой», если я правильно помню название. Ведь в разные времена бар назывался «Дель-Мар», «Найнс», «Свинг» и «Хуанита», хотя при этом всегда оставался самим собой. У девушек тоже были разные имена и лица, но они неизменно делали одну и ту же работу.

В тот год их униформа состояла из короткой черной юбки, коричневого купальника и черных сетчатых чулок. Помещение было длинным и узким, с очень высоким потолком и сценой в дальнем конце. Вдоль левой стены тянулся дубовый бар – владение Уэсли.

Уэсли и Чарлин начинали как любовники, она была стройной и всегда прекрасно одевалась. Оба обожали джаз и вместе с Джоном из «Таргет» нанимали лучших трубачей и вокалистов в стране. Но в их жизни было слишком много виски, красивых мужчин и женщин. Чарлин купила маленький домик в Комптоне, где жила со своим недоразвитым братом. А высокий большерукий Уэсли обычно ночевал в помещении бара.

Со временем он сторбился и белки его глаз пожелтели, но руки по-прежнему были крепки, как стальной кабель.

Он взглянул на меня и кивнул на пустующий столик, но я подошел прямо к стойке.

– Привет, Уэсли.

– Здорово, Изи.

– «Джонни Уокер», – сказал я.

Он отвернулся, чтобы наполнить бокал.

В зале было темно. Граммофон играл легкую веселую версию «Леди Блю». Без всякого объявления на сцену выскочила грудастая женщина пятидесяти с лишком. Ее чресла прикрывал лишь яркий бананово-желтый лоскут, оттенявший темно-коричневую кожу. Длинное желтое боа обвивалось вокруг ее груди и бедер.

Восемь столиков располагались напротив бара, другие теснились перед сценой. Повсюду сидели черные мужчины и женщины. Тонкие струйки дыма вились над безвкусными алюминиевыми пепельницами. Официантка раздраженно переходила от столика к столику, спрашивая: «Еще стаканчик?» И в ответ почти всегда слышала: «Нет».

От этих разных посетителей не дождешься приличных чаевых. Основные клиенты, преимущественно мужчины, появляются позже.

Чарлин сидела рядом со сценой, потягивая напиток лимонного цвета. Она всегда утверждала, что не заставляет девушек делать то, чего они не хотят, но я знал многих, которых уволили из-за жалоб клиентов на их «недружелюбие».

Я взял виски и пошел к сцене. Грим на лице банановой танцовщицы, напоминавшем резную деревянную маску, вблизи был гораздо заметнее.

– Изи Роулинз? – завопила Чарлин.

Я поцеловал ее влажное лицо:

– Чарлин.

В порыве импровизации банановая танцовщица спустилась со сцены и коснулась моего затылка своим оперением.

– Садись, малыш. – Чарлин придвинула свободный стул от соседнего стола, за которым сидел старик, положив голову на руки.

– Посетителей негусто? – спросил я.

Она схватила меня пухлой лапой с ярко-красными ногтями.

– Еще рано, Изи. Ферн просто разогревает сцену для молоденьких девушек, которые будут выступать сегодня.

Я улыбнулся и допил рюмку. Меня здесь не принимали за полицейского, я не взял с собой записной книжки. Может, нам удастся поговорить о той ночи, когда убили Джульетту Лерой, а может, и нет.

– Принести вам что-нибудь выпить, мистер? – Официантка, высокая женщина со светло-коричневой кожей, веснушчатая, с выпрямленными волосами, которые завивались вокруг ушей, как черная глина, с полными надутыми губами придвинулась ко мне вплотную.

– Спроси Уэсли, что он заказывал Элен, и принеси то же самое, – ответила за меня Чарлин. И обратилась ко мне: – Я думала, ты женат, Изи Роулинз.

Я не спускал глаз с Элен, направившейся к бару.

– Что бы ты делала, Чарлин, если бы вышла замуж?

– Полагаю, то же, что и сейчас.

– У тебя есть это заведение. Что бы ты делала, если бы твой муж не был так богат, как ты?

Когда Чарлин улыбалась, глаза ее тонули в толстых, круглых щеках.

– В таком случае мы подписали бы кое-какие документы, прежде чем начать совместную жизнь. Ты знаешь, бедный негр может свихнуться, если на него вдруг свалится куча денег. Он способен повести себя так же, как ты.

– О чем ты?

Между тем Элен вернулась и поставила передо мной бокал.

Чарлин обняла официантку за талию и притянула так близко к себе, что та едва не плюхнулась к ней на колени, потом повернула Элен ко мне, словно предлагая как следует рассмотреть ее. Элен бросила взгляд на свою грудь и улыбнулась. Ее длинные накладные ресницы пленили меня. Я не знал – затянуться сигаретой или отхлебнуть из бокала.

– Вот так-то, Изи. Ты уже не сводишь глаз с Элен. А теперь вообрази, что видел мой банковский счет и кучу денег в кассе, а потом грудь и ножки этой девчонки...

Я не мог отвести глаз от того, о чем говорила Чарлин. Элен, улыбаясь, уставилась на меня, но глаза ее оставались холодными.

Меня бросило в жар.

Чарлин хлопнула девицу по заду и подтолкнула ее в сторону бара. Проходя мимо, Элен задела меня бедром.

– Мужчинам всегда чего-нибудь не хватает, Изи.

– А что скажешь о женщинах? – В горле у меня пересохло.

– Что тебя беспокоит? – Чарлин тепло и дружески улыбнулась. – Ты слишком беден для таких проблем.

– У меня есть дом, а также машина и довольно приличная работа с хорошей зарплатой. Вполне достаточно, чтобы заинтересовать женщину, не так ли?

– Пожалуй, – кивнула она. – Есть женщины, которые заберут грязное белье, прежде чем удрать. Раз у тебя нет конкретных подозрений, Изи, я бы не стала волноваться. Но если переживаешь, может, пора принять решение. Ты поэтому пришел сюда?

– Как это понимать?

– Хочешь развлечься? – Чарлин шла прямо к цели. – Ведь ты понравился Элен.

– Нет. – Я покачал головой и улыбнулся. – Просто мне хотелось задать тебе этот вопрос, и все.

– Ну хорошо. Если что-то понадобится, ты знаешь, куда обратиться. Мой бизнес – сводить людей.

– Бизнес процветает?

Чарлин кивнула, не сводя глаз с двух вошедших мужчин. Уэтли тоже следил за ними. Он умел наливать рюмки, не глядя.

– Я подумал, что у тебя могут возникнуть проблемы с бизнесом.

– Почему?

– Да после несчастья с Джульеттой Лерой.

– О чем ты?

– Я слышал, будто она была здесь в ночь, когда ее убили. Возможно, и убийца был здесь. Как знать, не он ли прикончил и других девушек.

– Этого никто не сможет доказать, – быстро проговорила Чарлин.

– Я лишь повторил то, что слышал.

– Вот что. – Ее толстый палец взметнулся прямо у меня перед носом. – Джульетта Лерой была проституткой и заходила сюда подработать. Тебе прекрасно известно, что каждую ночь она посещала десятки мест, а иногда даже торчала на улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.